Веч. Москва. – 1996. – 27 февр. – С. 5.

Рукописи не горят

И УМРУ Я НЕ НА ПОСТЕЛИ...

В архиве ФСБ найдены бумаги Николая Гумилева

Жил поэт, влюбленный в мир, в вещность мира («...взлюбил я и сушу, и море, весь дремучий сон бытия»). Он собрал вокруг себя единомышленников, их теперь называют акмеистами. Все вместе они пытались восстановить нарушенную связь между словом и предметом, который оно обозначает, и это у них неплохо получалось: почти все акмеисты – поэты крупнейшие («...осиянно только слово средь земных тревог, и в Евангелии от Иоанна сказано, что слово это Бог»). Между тем поэт ездил по свету, охотился в Африке на леопардов и львов, словно испытывая собственную храбрость. Но вскоре надобность для этого ехать в Африку отпала – началась война. Поэт пошел добровольцем и воевал так, что «святой Георгий тронул дважды пулею нетронутую грудь». Потом он оказался в Париже, Лондоне, а когда к власти в России пришли большевики, он, опять же по собственной воле, вернулся в Россию. Писал стихи, учил писать стихи других, вокруг него всегда было много молодежи. Любил женщин («...так больно сердце томила красота Твоих дочерей» – обращался он к Богу в одном из стихотворений), а они любили его. Никогда не скрывал своих убеждений: «Я монархист и молюсь на церкви», – говорил он всем подряд. Его много читали, он учил читателей, «как не бояться, не бояться и делать, что надо».

Поэта звали Николай Гумилев.

Он прошел огромный путь – от «Романтических цветов» с их изысканным жирафом до «Огненного столпа», полного трагических предчувствий. А еще он написал в своем первом сборнике – было ему тогда 22 года:

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.

Он и выбрал. В 1921 году его расстреляли в Петроградской чрезвычайке.

Мы уже рассказывали в «ВМ» о деле Петроградской боевой организации («заговор Таганцева»), по которому был осужден Николай Гумилев, публиковали его последнюю фотографию, сделанную в ЧК, – фотографию очень гордого, очень стойкого, очень красивого человека... И вот новое открытие – работники архива ФСБ обнаружили бумаги, конфискованные у Гумилева при его аресте.

Я не знаю, что даст это открытие филологам – это прежде всего свидетельства быта, а не собственно творчества Гумилева. Кто-то, возможно, пожмет плечами: ну что тут нового, так, мелочи жизни... Но когда держишь в руках эти желтые листочки, разбираешь полустершиеся слова, сличаешь почерки, что-то происходит в твоей душе – словно встреча мистическая с тем временем, с людьми, его обживавшими... Встреча эта очень горькая, потому что почти физически ощущаешь, как уходит, умирает тот мир – тускнеющее на глазах отражение прежней, великой России.

И вместе с тем в каждой фамилии тут словно оживает история литературы. Вот принадлежащий Гумилеву членский билет «Дома искусств» («Диск»), подписанный Максимом Горьким. «Диск» располагался в бывшем особняке Елисеева, Гумилев переехал туда за два месяца до ареста, в мае 1921 года, заняв елисеевский предбанник. В бане рядом, в кафельных стенах, жила Мариэтта Шагинян. А вот и ее автограф. На одном из листов почерком Гумилева выписаны названия двадцати пяти его стихотворений из семи поэтических сборников. Трудно сказать, что это такое – план ли задуманного «Избранного», программа ли выступления... А на обратной стороне – расписка: «Мною взято у Н. С. Гумилева пятьдесят тысяч руб. Мариэтта Шагинян. 23/VII 1921». Пятьдесят тысяч – по тем временам деньги смешные. Хотя... Основным обвинением, выдвинутым против Гумилева по «делу Таганцева», было то, что он взял у Таганцева двести тысяч рублей.

Денег писателям катастрофически не хватало. Начинался нэп, а значит, становилось больше и соблазнов. В буфете «Диска» появились эклеры, пирожные, конфеты, булки; листки Гумилева испещрены цифрами, словно бухгалтерские документы, многие из них озаглавлены торжественно – «кредит». Художник В. Милашевский (в то время тоже живший в «Диске») в своих мемуарах «Вчера, позавчера...» писал: «У себя в комнате я повесил плакат: В этой комнате не курят, Стихов не читают, Денег до завтра взаймы не просят...», и если мы уберем из этой декларации частичку «не», то получим перечень основных занятий обитателей «Диска». Стихов не писать и не читать поэты не могли, потому что они были поэты, и поэты славные. Курили не переставая, просто с голодухи, о чем писала Ольга Форш, изобразившая «Диск» в своем романе «Сумасшедший корабль». И «стреляли» деньги...

Интересно, вернула ли долг Мариэтта Шагинян? Через несколько лет она уже с успехом писала «пролетарские» романы, а потом внесла значительный вклад в создание официальной советской «ленинианы». Гумилев, останься он жив, наверное, ее бы не понял. Впрочем, ломка в тридцатых годах всем предстояла страшная, и чтобы противостоять ей, силы требовались безмерные. Немногие выстояли.

Записки, записки... Вот обрывок записки Гумилева Николаю Оцупу: «Дорогой Оцуп, пришел вчерашний скандалист, который скандалит еще больше, показывает мандат грядущего и ругается. Сходи за кем-нибудь из Пролеткульта и приведи его сюда. И скорее...» Оцуп, уехавший из России в 1922 году, на всю жизнь сохранил верность гумилевской эстетике: «Собственно, Бергсон и Гумилев... были двумя полюсами, между которыми простирался духовный опыт Оцупа», – много позже писал о нем А. Бахрах. Уже после фашистского концлагеря, после участия в итальянском сопротивлении Оцуп защитил в 1951 году в Сорбонне докторскую диссертацию о творчестве Гумилева – это была первая диссертация, написанная о Гумилеве.

А вот записка Гумилеву от Георгия Иванова: «Милый Николай, пожалуйста, приходи сегодня с Анной Николаевной (вторая жена Гумилева. – А. П.) к нам и приведи Михаила Леонидовича (Лозинского. – А. П.), если он будет у тебя. Приходите непременно, мне самому нельзя уйти из дому, потому что у меня будет один корпусной товарищ. Жорж». Ах, как жаль, что записка не датирована. Георгий Иванов до революции учился в кадетском корпусе, где одним из его товарищей был Юрий Герман. Тот самый Юрий Герман, один из трех руководителей, как утверждают чекистские протоколы, Петроградской боевой организации, после убийства на финской границе которого (конец мая 1921 года) и было раскручено «дело Таганцева».

Правда, сам Иванов в своих воспоминаниях утверждает, что в двадцать первом году возобновил знакомство с Германом именно с подачи Гумилева, но к воспоминаниям Иванова следует относиться с осторожностью – по собственному его позднему признанию, в них лишь 25 процентов правды, остальное же вымысел и, разумеется, художественный. Уж не Иванову ли Гумилев обязан этим знакомством, имевшим столь трагические для него последствия? Как знать, как знать... Герман то и дело ходил через границу, водил через нее других людей, а Гумилеву жизнь в большевистской России, по некоторым свидетельствам, к тому времени стала надоедать, и он подумывал о бегстве – то есть Гумилеву и Герману было о чем поговорить друг с другом. А. Левинсон, работавший с Гумилевым в издательстве «Всемирная литература», писал: «Тянулся к нам в эмиграцию и Гумилев, но не успел». О том же вспоминал и Вас. Немирович-Данченко: «Я хотел уходить через Финляндию, он через Латвию. Мы помирились на эстонской границе. Наш маршрут был на Гдов, Чудское озеро. В прибрежных селах он знал рыбаков...»

Чудится во всем этом какая-то игра с судьбой, Гумилев словно всякую секунду жизни испытывает ее, испытывает со страстью... Опыт с группой Таганцева оказался последним, и никуда он уже не ушел – лег в русскую землю. А ушли другие – кто по собственной воле, а кого большевики просто выставили за дверь, о чем, наверное, потом страшно сожалели. «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы, ваше слово, товарищ маузер». Уехал, кстати, в 1922 году и Георгий Иванов, правая рука Гумилева по Цеху поэтов, уехал и всю оставшуюся жизнь тосковал по России, которая навсегда осталась для него, «как белая лира над засыпанной снегом судьбой».

Подбор документов, обнаруженных в архиве ФСБ, достаточно любопытен. Чекисты, похоже, брали в то время далеко не все, не выметали документы подчистую. Н. Берберова пишет в книге «Курсив мой»: «Я нашел среди бумаг Николая Степановича, – сказал мне через месяц Георгий Иванов, – черную клеенчатую тетрадь, в ней записано всего одно стихотворение...» (речь идет о стихотворении, посвященном Берберовой). Значит, было среди чего искать, «бумаги Николая Степановича» остались в комнате после его ареста. Чекистов больше интересовали связи, адреса, телефоны – именно такого рода записи в выплывших на свет Божий документах Гумилева мы находим в избытке. Есть здесь среди прочих и автограф Ходасевича: «Анне Николаевне на сохранение. Привет. Владислав Ходасевич». Жутко подозрительная фраза, если смотреть на дело с точки зрения карательных органов.

Немалое количество листков так или иначе связано с предсмертным путешествием Гумилева в Крым. Уехал он в конце июня в поезде командующего военно-морскими силами адмирала А. Немитца, вернулся в июле. Вот – «Служебная записка Старшего Секретаря всеми Морскими Силами Республики. 25 июня 1921 г. Многоуважаемый товарищ! С нами в поезде едет член Коллегии Всемирной литературы и Председатель Питерского Профсоюза поэтов тов. Н. С. Гумилев, который работает вместе с тов. Горьким. Очень прошу Вас оказать всяческое содействие тов. Гумилеву и выдать ему просимое как подарок с юга Республики питерским голодающим писателям. Заранее благодарю. Очень обяжете. Жму Вашу руку. С товарищеским приветом, Вл. Павлов». «Голодающие писатели» – каково словосочетание! Какая-то взрывная энергия заключена в нем, слова сопротивляются друг другу, взаимно искажаются, и чтобы удержать их вместе, требуется сила поистине демоническая – впрочем, этого у большевиков всегда хватало. С этой запиской Гумилев разъезжал по Крыму, доставал продукты. Дело обычное, в те годы все делалось именно так – по личному знакомству, по рекомендательным письмам, по «товариществу», правда, очень ненадежному «товариществу», потому что нередко бывало, что вчерашние «товарищи» сегодня становились «врагами» и с наслаждением вколачивали друг в друга пули из вечного «товарища маузера». «Товарищи», «враги» – слова приобретали новое значение, происходила великая ломка русского языка, сильно походившая на его уничтожение. Гумилев пользовался бумагами, написанными на этом волапюке (тут и Питерский Профсоюз, и Юг Республики – обязательно с прописных букв! – и товарищеский привет, и непременный буревестник тов. Горький...), но сам-то мыслил и писал на языке совершенно другом. И расстреляли его именно за это, а не за какой-то там мифический заговор Таганцева.

Вл. Павлов, выдавший ему процитированный документ, не только морской офицер, но и поэт (кто тогда поэтом не был?), автор поэтического сборника «Снежный путь». Название сборника – вполне в духе времени, но времени умирающего. Снежные пути привели в заводской цех, где торжественно ухала кувалда и сыпались искры горячего металла. Кстати, о Вл. Павлове. Кое-кто поговаривал, что в Крыму Гумилев вместе с работниками военно-морского наркомата сеял контрреволюцию, заводил связи, раздавал оружие бывшим офицерам, а рядом с ним все время находился провокатор, человек близкий, поэт, который и «сдал» его впоследствии. И кивали на Павлова. Но все это очень мало напоминает правду. Представить Гумилева в роли активного контрреволюционера, какого-то вдохновенного заговорщика практически невозможно.

И конфискованные у него бумаги – еще одно тому свидетельство. Гумилев постоянно считает чай, горошек, шпик, икру, муку, крупу, сахар, орехи, свежие фрукты, сухофрукты – до заговоров ли тут, когда такая кропотливая бухгалтерия. Кому сколько продать, кому сколько подарить – фамилии, фунты, цифры, помарки, исправления, все вперемешку, но добросовестность во всем этом сквозит потрясающая. И не только добросовестность, но и страсть к жизни, которая иногда кажется тихой грустной влюбленностью – вот такой парадокс.

Вернулся он в Питер, по многим свидетельствам, загоревший, веселый, полный планов и надежд. Георгий Иванов говорит, что именно тогда Гумилев придумал заглавие для своей «будущей» книги: «Посередине странствия земного». Подразумевается, что он ошибся, но это не вся правда про Гумилева. Иначе куда денешь страшный подтекст «Огненного столпа»? И вот еще что. На обратной стороне его членского билета «Дома искусств» рукой Гумилева начертано трехстрофное стихотворение – две последние строфы разобрать очень трудно (надеюсь, специалисты-то разберут), но первая строфа читается хорошо – и словно в омут головой:

Какое отравное зелье
Влилось в мое бытие!
Мученье мое, веселье,
Святое безумье мое.

Эти строки могут быть посвящены женщине («Гумилев был всегда влюблен» – Г. Иванов), искусству... Все так, и все же безотносительно к этому – «Какое отравное зелье влилось в мое бытие!». И безотносительно к социальной действительности – тоже. Ему как бы и не до нее даже. Но социальная действительность начала двадцатых не терпела такого равнодушия. И она вынесла приговор: Гумилев – «бывший человек», жизни не достоин.

«Бывший человек» – не мое изобретение. Несколько дней назад заместитель начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ Владимир Виноградов передал найденные бумаги Гумилева директору Российского государственного архива литературы и искусства Наталье Волковой. Необходимые слова с обеих сторон были сказаны – все было просто и вместе с тем торжественно. Но не только гумилевские документы теперь будут храниться в РГАЛИ, вместе с ними туда перекочевали 4 письма М. Булгакова, адресованные писателю и драматургу Сергею Ермолинскому (о них писала в конце января «Независимая газета»; один из автографов с дарственной надписью Ермолинскому мы воспроизводим здесь), и рукопись поэмы-памфлета И. Ильинского «Путешествие Карла Маркса в России».

Игорь Ильинский (1886 –1937) – юрист, литературовед, специалист по творчеству Льва Толстого, человек трагической судьбы. С 1922 по 1937 год его арестовывали пять раз. Пять! В третий раз это случилось в январе 1934 года, Ильинский тогда жил в Москве и работал старшим научным сотрудником в литературном музее. Его обвинили во вредительстве, выражавшемся в закупке для музея рукописей и архивных материалов у писателей и дворян (Андрея Белого, Г. Чулкова, Шереметева, Голицына и др.). Железная формулировка обвинения потрясает: «оказание материальной помощи бывшим людям (выделено мной. – А. П.) и политическим ссыльным, используя для этого государственные средства». Вот так!

Пол-Петрограда 1921 года были прямыми кандидатами в «бывшие люди», но они не хотели становиться «бывшими людьми». И они уходили – кто в смерть, кто просто прочь из географической России. И уносили Россию в своих сердцах, чтобы передать ее, запечатленную, нам, потомкам. Чтобы научить нас любить ее. Передо мной бумаги Гумилева, столько лет хранившиеся в недрах ФСБ. «Мелочи жизни». Я рассказал о нескольких листках, а их – несколько десятков. И попадаешь в ту жизнь, дышишь тем воздухом... Смахнешь набежавшую слезу, крякнешь от смущения... Воскрешение русской культуры, воскрешение России.

Россия – удивительная страна.

В октябре 1921 года Б. Эйхенбаум на вечере памяти Блока прочитал доклад «Судьба Блока». Завершая его, он говорил: «Последние годы для нас – годы смертей неисчислимых...» В августе 1921 года умер, задохнувшись в большевистской духоте, Блок, в августе же убили Гумилева. Двумя годами раньше умер от голода в Сергиевом Посаде Розанов. А впереди был двадцать второй год, разбросавший по всему миру цвет русской науки, русской литературы, русского искусства... Казалось, все, пора тушить свечи, ничего уже здесь никогда не будет, не на чем. А Эйхенбаум говорил дальше: «Но где-то между этими годами или до них скрываются ведь года рождений, нам еще не явленных».

Теперь мы знаем эти года рождений.

Какая прекрасная нерушимая цепочка открывается – обыкновенно называемая традицией. И Гумилев – необходимое звено ее. С найденными в ФСБ документами его образ, столько лет скрываемый от наших глаз, оживает еще больше.

Александр ПАНФИЛОВ
Фото Валерия ВИНОГРАДОВА